

Формирование социокультурного пространства в мезолите и неолите Зауралья

Вадим Сергеевич Мосин

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
E-mail: mvs54@mail.ru

Аннотация. Понятие «социокультурное пространство» является фундаментальным для археологии, поскольку объединяет в себе понятия физического и социального пространства, социальных потребностей, отраженных в материальной культуре и времени. Цель данной статьи – определить критерии и рассмотреть истоки формирования социокультурного пространства в неолите Зауралья. Для мезолита и неолита Зауралья критериями технологического и культурного своеобразия служат: используемое кремнистое сырье, система расщепления и типологический набор орудий, оригинальные для этой территории типы орудий, культурные традиции в изготовлении керамической посуды (культурно-хронологические комплексы). Одним из важных природных ресурсов в эпоху камня является кремнистое сырье для изготовления орудий. Наибольшее распространение кремнистые породы имеют в коренном и поверхностном залегании вдоль восточных склонов Южного и Среднего Урала. На территории Притоболья кремнистые породы в естественном залегании и распространении не выявлены и могли попасть сюда только в результате прямого переноса человеком. Коллективы мезолитических охотников, которые использовали для изготовления орудий зауральские кремнистые породы, не заходили на территории за правобережьем реки Тобол. Материалы мезолитических памятников Зауралья по основным характеристикам комплексов каменного инвентаря обнаруживают очень близкое сходство между собой. Часть мезолитических комплексов Зауралья содержат в коллекциях такие характерные типы орудий как геометрические микролиты – асимметричные трапеции и треугольники, на других стоянках подобные артефакты отсутствуют. Тех и других пока известно равное количество. Стоянки с асимметричными трапециями не сосредоточены в каком-то конкретном районе, так же, как и стоянки без них, а известны по всей территории Зауралья. Поскольку технология указанных комплексов одина, можно предположить, что это два варианта одной мезолитической традиции. В неолите кратно увеличивается количество известных памятников, территория расширяется до междуречья Тобола и Ишима. Картографирование памятников мезолита и неолита Зауралья, сохранявших основные традиции, позволяет выявить социокультурное пространство зауральского неолита Зауралья – историческое пространство, рассматриваемое с точки зрения существовавших культурных традиций определенных социумов в пространственно-временных рамках VII–V тыс. до н.э.

Ключевые слова: мезолит, неолит, Зауралье, кремнистые породы, культурные традиции, социокультурное пространство

Цитирование. Мосин В.С., 2025. Формирование социокультурного пространства в мезолите и неолите Зауралья, *Уфимский археологический вестник*, т. 25, № 1, с. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.31833/uaav/2025.25.1.006>

Social & Cultural Space in the Mesolithic and Neolithic Trans-Urals

Vadim S. Mosin

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
E-mail: mvs54@mail.ru

Abstract. The concept of social & cultural space is basic for archaeology, as it integrates the concepts of physical and social systems, social needs reflected in the tangible culture and time. This article aims to define the criteria and to consider the origins of the social & cultural space in the Neolithic Trans-Urals. The Mesolithic and Neolithic Trans-Urals stand out with technological and cultural peculiarities. These peculiarities list siliceous raw materials, the flaking system and typological set of tools, types of tools original for the mentioned territory, cultural traditions in ceramic ware (cultural and chronological complexes). One of the significant natural resources in the Stone Age is siliceous raw material for producing tools. Siliceous rocks are the most common in the bedrock and superficial deposits along the eastern slopes of the Southern and Middle Urals. Pritobolye does not reveal siliceous rocks natural deposits. It means such rocks could have been brought here only by people. Mesolithic hunter groups used Trans-Ural siliceous rocks for making tools but they never crossed the Tobol River right bank. The materials of Trans-Urals Mesolithic monuments have stone tools complexes similar to one another by their main characteristics. Some Mesolithic complexes of the Trans-Urals contain such typical tools as geometric microliths, for instance, asymmetric trapezoids and triangles, while other sites lack such artifacts. The sites in both categories are known so far to be equal in number.

The sites with asymmetric trapezoids are not concentrated in a particular area, neither are the sites without them. Furthermore, they are found throughout the entire Trans-Urals. Since the workmanship technology of the mentioned complexes is the same, presumably these are two variants of the same Mesolithic tradition. In contrast Neolithic monuments are far more common and stretch across the Tobol and Ishim interfluves. The study implies the mapping of the Trans-Urals Mesolithic and Neolithic monuments that preserved the main traditions. The mapping allows determining the social & cultural space of the Trans-Urals Neolithic. This space is a historical space considered from the point of view of the existing cultural traditions in certain societies in in time and space of 7th–5th millennia BC.

Keywords: Mesolithic, Neolithic, Trans-Urals, siliceous rocks, cultural traditions, social & cultural space

Citation. Mosin, V.S., 2025, "Social & Cultural Space in the Mesolithic and Neolithic Trans-Urals", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 25, no. 1, pp. 80–89. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.1.006>

Введение

В позднем палеолите историческая география немногочисленного населения южной части Урала и Западной Сибири не отличалась большим разнообразием. Обширные пространства были заняты холодными перигляциальными степными и лесостепными ландшафтами с елью и березой в долинах рек, березовыми редколесьями с кустарничковой березкой и разреженными группировками лиственницы и ели [Хотинский, Немкова, Сурова, 1982. С. 145; Зыкин, Зыкина, Орлова, 2000. С. 3–22; Панова, Быкова, 1992. С. 192–196]. Основные разновидности животного мира того времени представлены мамонтом, северным оленем, лошастью, бизоном, сайгой. Кратковременные охотничьи стоянки, расположенные в пещерах и гротах Среднего и Южного Урала – Кульюрт-Тамак-1, Байсланташ, Бобылек, Зотинский, указывают на охотничью деятельность, направленную на добычу преимущественно северного оленя и лошади.

Немногочисленные коллективы позднепалеолитических охотников, вероятно, объединенных в небольшие общины, были вынуждены следовать за животными в приледниковой тундростепи на большие расстояния и пересекаться с маршрутами других общин, что способствовало передаче некоторых технических стандартов и выработке элементов сходства между достаточно удаленными друг от друга каменными индустриями. Проведенные исследования позволили прийти к выводу о возникновении во второй половине позднего палеолита региональной уральской позднепалеолитической культуры, генетически связанной с североазиатским палеолитом, а также о формировании в конце палеолита в Евразии уральской историко-культурной области [Павлов, 2012. С. 6–23]. На хронологическом этапе 15–13 тыс. лет назад различия становятся более контрастными и комплексы Среднего и Южного Урала приобретают более отчетливые собственные характеристики. Для этих комплексов характерно развитое пластинчатое расщепление, ретушированные пластинки, в том числе усеченные, резцы ретушные, боковые и угловые, микропластинки с притупленным краем, скребки, орудия с выступом «шипом», зубчатым и фигурным краем, долотовидные орудия [Петрин,

1992; Павлов, 2008. С. 33–45; Нехорошев, Гиря, 2004. С. 12–35]. В это время – от 16 до 13 тыс. лет назад – появляются палеолитические пещерные святилища с настенной живописью: Каповая (Шульган-Таш) и Игнatieвская (Ямазы-Таш), что свидетельствует о стабильности связей многочисленных коллективов охотников и единстве их мировосприятия, что является основным условием функционирования каждого общества.

Целью данной статьи является определение критериев и рассмотрение истоков формирования социокультурного пространства в мезолите и неолите Зауралья.

Процесс формирования социокультурного пространства

Социокультурный подход предполагает изучение общества с точки зрения единства культуры и социума, образуемых и преобразуемых деятельностью человека [Сорокин, 1992. С. 218], он позволяет понять отношения между культурой и обществом, механизм формирования конкретно-исторической специфики исследуемого социума. Применительно к археологии, где основным источником являются артефакты, этот механизм мы можем изучать, опираясь на выявление своеобразия системы жизнеобеспечения в конкретном окружающем ландшафте и культурные традиции социумов. Система жизнеобеспечения доступна нам в природных ресурсах обживаемой территории и применяемых технологиях, а культурные традиции – в своеобразных деталях в оформлении различных категорий артефактов. Для интересующих нас периодов мезолита и неолита Зауралья критериями технологического и культурного своеобразия служат используемое кремнистое сырье, система расщепления и типологический набор орудий, оригинальные для этой территории типы орудий, культурные традиции в изготовлении керамической посуды (культурно-хронологические комплексы).

На рубеже неоплейстоцена и голоцена на территории Северной Евразии происходит природно-климатический перелом, связанный с потеплением и смягчением континентальности климата, распадается перигляциальная зона, происходит перестройка структуры ландшафтов от гиперзо-

нального к зональному [Хотинский, Немкова, Сурова, 1982. С. 145–153]. На территории Большого Урала формируются своеобразные региональные вмещающие ландшафты: Среднее и Южное Зауралье, Прикамье, Волго-Уралье. На этом фоне в указанных регионах складывается территориальное своеобразие местных мезолитических традиций [Мосин, 2010. С. 4–12].

Несмотря на то, что в Зауралье пока неизвестны памятники переходного периода от позднего палеолита к мезолиту, мы можем, с определенной уверенностью, говорить о позднепалеолитической основе, в виде развитого мелко-пластинчатого расщепления с присутствием микропластин и вкладышевых орудий, для дальнейшего развития технологий в мезолите и неолите. Не противоречат этому и радиоуглеродные датировки. Самая ранняя дата, полученная для заготовки ножа из лопатки благородного оленя, из слоя V мезолитической стоянки Береговая II – 10060±80 (9815–9446 cal BC – ГИН-14209), далее следуют даты от 9850±40 (9317–9266 cal BC – ГИН-14135) до 9800±40 (9289–9253 cal BC – ГИН-14088) [Жилин и др., 2020. С. 27]. На соседней территории Северного Казахстана по углю из ямы на территории мезолитической стоянки Тельмана XIVa получена дата 10540±200 л.н. [Зайберт, Плешаков, Тюлебаев, 2012. С. 131]. Таким образом, большого временного разрыва между концом палеолита и началом мезолита мы не видим.

Одним из важных природных ресурсов в эпоху камня является кремнистое сырье для изготовления орудий. Основной кремненесущей зоной является Тагильско-Магнитогорский синклиниорий, расположенный вдоль восточных склонов Урала. Здесь кремнистые породы имеют наибольшее распространение в коренном и поверхностном залегании (особенно очевидно в южной части), представлены всем своим разнообразием: фтаниты (черный кремь), фтанитоиды (серый, голубой, зеленый и др. кремь), яшмы (сургучные, красные, сургучно-зеленые, пестрые), новакулиты (белый кремь), среди минералов – халцедон и горный хрусталь [Мосин, Никольский, 2008]. Помимо указанных выше кремнистых пород, в Среднем Зауралье основным видом сырья становятся кремнистые сланцы, различающиеся степенью окремнелости, плотностью, структурой, цветом, включениями. В районе Тагильского Зауралья широко использовали алевротуфы порфиринов, выходы которого имеются на склонах горы Голый Камень [Сериков, 1989. С. 32–45].

По территории зауральской равнины (пене-плена) кремнистое сырье распространялось по древним рекам (структурно-эрозионным депрессиям), затем по современной речной сети, которая или повторяла древние русла, или пересекала их. Далее, на территории собственно Западно-Сибирской низменности, в пределах Курганского

и Тюменского Притоболья, кремнистые породы в естественном залегании (распространении) не выявлены. Субновакулиты серого цвета и разных оттенков (т.н. «боборыкинская яшма»), широко использовавшиеся в неолите-энеолите Притоболья, встречены в коренном залегании в одном из рудников на Зауральском пене-плене севернее Челябинска на глубине 70 метров. В конце каменного века конкреции этой кремнистой породы вполне могли встречаться в песчаных обнажениях рек Исеть и Миасс, обломки таких конкреций были найдены на поселении Кочегарово I, но как показали специальные полевые исследования, в настоящее время на территории Притоболья полностью отсутствуют. Таким образом, кремнистые породы для изготовления орудий и готовые орудия из Тагильско-Магнитогорского синклинория могли попасть на площадки стоянок каменного века западной части Западно-Сибирской равнины (Притоболья) только в результате прямого переноса человеком.

Движение коллективов охотников с кремнистым сырьем и орудиями по указанной территории мы фиксируем уже в позднем палеолите. В Среднем Зауралье зелено-красные яшмы зафиксированы в гроте Зотинском I и Гаринской стоянке – 54,1% изготовлено из разного вида яшм [Сериков, 1989. С. 32–45; 2007]. На стоянке Шикаевка II в Варгашином районе Курганской области в правобережье р. Тобол, что около 300 км от Магнитогорской зоны, найдено 35 предметов из зелено-красной южноуральской яшмы, большая часть из которых – пластинки, а также геометрические формы – асимметричные трапеции и треугольники [Петрин, Смирнов, 1975].

В мезолите стоянок с кремнистыми породами из Магнитогорской зоны в Притоболье известно значительно больше. Так, на стоянке Сухрино I основным материалом для изготовления орудий служил кремь серого и черного цвета в различных оттенках (фтаниты и фтанитоиды), а также халцедон и яшма сургучного цвета [Стоянов, Крижевская, Старков, 1977. С. 75]. На стоянках Ташково IIa и Ташково IV основным сырьем для изготовления орудий являлся темно-серый кремь (фтанитоиды) и сургучно-зеленая яшма [Крижевская, 1991. С. 35–45]. На стоянке Звездный, расположенной на Андреевском озере в Тюменском Притоболье, практически весь комплекс изделий выполнен из высококачественной яшмы, преимущественно темно-серого цвета [Усачева, 1999. С. 22–29], по-видимому, из фтанитоидов. Дальше на юго-восток большой интерес представляет комплекс памятников Черная Гора, который находится на юге Курганской области, неподалеку от пос. Озерное Звериноголовского района, и представляет собой ряд местонахождений на песчаных площадках с разрушенным дерновым покровом – «выдувах». На Черной Горе обнаружено 4 скопления артефактов площадью в среднем 40×40 м, рас-

полагающихся неподалеку друг от друга. Наиболее представительным является местонахождение Черная гора 2 [Мосин, 2012. С. 50–66]. Коллекция памятника насчитывает 2224 изделия из камня. В качестве основного сырья были использованы фтаниты, фтанитоиды и яшмы из Магнитогорской зоны, серые субновакулиты («боборыкинская яшма»), в меньшей степени халцедон и другие породы. Восточнее были исследованы стоянки Убаган III, Камышное I и другие стоянки Притоболья, изученные подъемными сборами – Убаган I, V, VII, VIII, Звериноголовская VI, Верхняя Алабуга, на которых основным сырьем были южноуральские фтанитоиды зеленого цвета, сургучная яшма и местные светло-коричневые яшмокварциты [Зайберт, Потемкина, 1981. С. 107–129]. Таким образом, в настоящий момент можно говорить о том, что коллективы мезолитических охотников, которые использовали для изготовления орудий кремнистые породы и минералы из Тагильско-Магнитогорского синклиория, не заходили на территории за правобережьем р. Тобол.

Далее на восток стоянки с кремнистыми породами из Тагильско-Магнитогорского синклиория пока не встречены. На исследованном в Нижнем Приишимье поселении Катенька основным сырьем был серый кварцевый песчаник – до 66%, во втором месте зеленая кремнистая порода (яшмоиды) – 33%, реже использовались яшма, туфы, туффиты и окремненный, ожелезненный анодунитовый серпентинит. Данное сырье представлено как породами местного разреза, так и отложениями аллювия рек и их притоков – Тобола, Ишима, а также яшмами и яшмоидами, напоминающими кремнистые породы Южного Урала [Зах и др., 2008. С. 85]. Необходимо заметить, что представленные на стоянке яшмы и яшмоиды не обязательно происходят с Южного Урала, подобные кремнистые породы, практически не отличимые от южноуральских яшм, в свое время были собраны автором статьи на западном берегу оз. Балхаш.

Передвигаясь по территории Зауралья в процессе реализации годового хозяйственного цикла и социальной необходимости на основе экзогамии, коллективы мезолитического населения несли с собой и запас изделий и заготовок из качественных кремнистых пород в районы, где такое сырье отсутствовало. На территории Притоболья такие маршруты достигали до 400 км, что не представляется нереальным, учитывая возможность передвижения по рекам. По информации М.П. Вохменцева, его родственники в сороковые годы XX в. ходили пешком в Челябинск почти за 200 км.

Основными признаками, маркирующими культурные традиции в мезолите, могут быть технологические и морфологические особенности комплексов каменного инвентаря. При всеобщей стандартизации, присущей микропластинчатым комплексам Большого Урала, к которым относится мезолит Зауралья, только устойчивые сочетания

оригинальных орудий позволяют отличать одну традицию от другой.

Основой мезолитических комплексов Зауралья, характерной для всех известных стоянок, является микропластинчатая техника расщепления. Количество пластинок шириной до 1 см в коллекциях достигало более 80%, что связано с использованием призматических, конических и торцовых нуклеусов. Для обработки пластин наиболее характерна крутая ретушь со спинки и брюшка. Среди повсеместно встречающихся орудий: пластинки с краевой ретушью, угловые резцы, пластинки с выемкой, концевые скребки, скребки на отщепе, остря, пластинки с обработанным торцом. Материалы известных нам памятников относятся как к разным районам Зауралья, так и разному времени существования в диапазоне мезолита (около 2500 лет), и не могут не нести в себе определенных отличий.

Так, мезолитические памятники в верховьях р. Тура отличаются наличием высоких трапеций с боковыми выемками и архаичных боковых (поперечно-ретушных) резцов, хотя по всем остальным параметрам верхнетуруинские комплексы несколько не выпадают из круга мезолитических памятников Тагильского Зауралья [Сериков, 2019. С. 8–20]. Эти отличия, скорее всего, сформировались за счет социальных связей с мезолитическими общинами Верхнего и Среднего Прикамья, результатом которых стало заимствование технологии изготовления из высоких трапеций с боковыми выемками поперечно-лезвийных наконечников стрел, выполненных из местной яшмы Тагильско-Магнитогорской зоны. Вероятно, с этим же связано и появление здесь боковых ретушных резцов [Каменный век, 2021. С. 205]. Локальность расположения верхнетуруинских комплексов может говорить и кратковременности появления в Тагильском Зауралье подобных орудий.

Отличия в памятниках могли возникать как следствие посещения мезолитическими коллективами мест с разными сырьевыми базами региона. Так, на восточных склонах Южного Зауралья, в «сердце» Тагильско-Магнитогорского синклиория, фтаниты, фтанитоиды различных цветов и яшмы находятся в коренном залегании, выходят на поверхность и буквально в огромном количестве лежат под ногами. Здесь находились стоянки-мастерские, отсюда уносили сделанные заготовки и наборы орудий, соответственно в коллекциях стоянок большое количество артефактов, много крупных нуклеусов, более широких пластин, чем на стоянках, где доступность большого объема кремнистых пород не так очевидна, например, в Среднем Зауралье и лесостепном Притоболье.

Также особенной чертой мезолитических памятников Тагильского района являются геометрические микролиты в виде симметричных или асимметричных трапеций, прямоугольников и параллелограммов, изготовленных на мелких

и узких (0,6–0,8 см) пластинок местного сырья, которые определяются как вкладыши составных орудий [Сериков, 1988. С. 14–18]. На других территориях Зауралья такие изделия практически не встречаются.

Наиболее выразительными типами изделий среди геометрических микролитов являются асимметричные трапеции с выемкой на короткой стороне и скошенные острия, как обломки таких трапеций. Долгое время эти изделия связывали исключительно с памятниками мезолита Башкирского Зауралья и выделяли в отдельную янгельскую культуру [Матюшин, 1976]. В настоящее время асимметричные трапеции – это обычные находки на стоянках как восточного склона Среднего и Южного Урала, так и лесостепного Притоболья. На самом юго-востоке Зауралья, на границе с Тургайским прогибом, на стоянке Черная гора 2 было найдено пять асимметричных трапеций и пять треугольников, оформленных по длинной стороне крутой ретушью со спинки, по короткой – подтесывающей ретушью с брюшка, в двух случаях – только со спинки. Надо заметить, что если подобные трапеции, как уже указывалось, часто встречаются, то треугольники, абсолютно идентичные подобным изделиям со стоянки Янгелька, в лесостепном Зауралье, почти за 400 км от Янгельки, встречены впервые [Мосин, 2012. С. 50–66].

Анализ материалов наиболее известных исследованных памятников мезолита Зауралья согласно критериям технологического и культурного своеобразия, основными среди которых служат используемое кремнистое сырье, система расщепления и типологический набор орудий, оригинальные для этой территории типы орудий, позволяет сделать следующие выводы.

Мезолитические охотники и рыболовы, чьи стоянки были найдены на восточном склоне Урала и Зауральском пенеппене, использовали кремнистые породы из Тагильско-Магнитогорского синклинория, которые встречаются как в коренном залегании, так и в выходах на поверхность и галечниках. В стоянках на территории Притоболья кремнистое сырье в виде небольших плиток, конкреций, заготовок и готовых орудий приносили люди, непосредственно передвигавшиеся в процессе годовых хозяйственных циклов по территории всего Зауралья, захватывая самые западные районы Западно-Сибирской равнины. В меньшей степени использовались субновакулиты (свето-серый кремь или «боборыкинская яшма») из песчаных отложений, вероятно, в это время не совсем доступные.

Материалы мезолитических памятников Зауралья по основным характеристикам комплексов каменного инвентаря обнаруживают очень близкое сходство между собой. Технологическое своеобразие зауральской мезолитической традиции заключается в особенностях процесса расщепления

и подготовки орудий. Базовые наборы изделий, с основой на микропластинчатом расщеплении, логично оттеняются некоторыми отличиями между отдельными памятниками лесостепного и лесного Зауралья. По наличию изделий из кости и рога выделяются поселения, изученные в торфяниках, но на других типах памятников они просто не сохраняются.

Некоторые мезолитические комплексы Зауралья содержат в коллекциях такие характерные типы орудий как геометрические микролиты – асимметричные трапеции и треугольники (Серый камень, Шайтанское озеро I–III, Камень Дыроватый, Янгелька, Андреевка, Краснокаменка, Чебаркуль XVII, Черная гора 2, и др.), на других стоянках (Выйка II, Береговая II, Баранча II, Сухрино I, Родники II, Ташково II, IV и др.) подобные геометрические микролиты отсутствуют. Тех и других пока известно равное количество. Стоянки с асимметричными трапециями не сосредоточены в каком-то конкретном районе, так же, как и стоянки без них, а известны по всей территории Зауралья [Сериков, 2008. С. 97–100; 2019. С. 8–20]. Поскольку технология указанных комплексов одинакова, можно предположить, что это два варианта одной мезолитической традиции.

Картографирование основных исследованных памятников мезолита (рис. 1) позволяет выявить формирующееся социокультурное пространство как территорию жизнедеятельности зауральского мезолитического населения от восточного склона Урала до берегов р. Тобол.

Переход от мезолита к неолиту в Зауралье не вызвал заметных перемен как в критериях технологического и культурного своеобразия, так и в производстве, основанном на пластинчатом расщеплении. В сырье для изготовления орудий остаются те же приоритеты, значительно больше используются субновакулиты (свето-серый кремь или «боборыкинская яшма»), вероятно, в это время ставшая доступной. Каменный инвентарь неолитических стоянок по своим характеристикам очень близок предшествующему мезолитическому комплексу. При использовании тех же типов нуклеусов микропластинчатость сокращается до 60%, появляются отдельные пластинчатые и двусторонне обработанные наконечники стрел, чаще встречаются шлифованные орудия. Анализ каменного инвентаря позволяет части археологов (включая автора статьи) рассматривать возможность «формирования зауральских раннеолитических культурных традиций на местной мезолитической основе и о культурной преемственности от мезолита к неолиту на данной территории» [Жилин и др., 2020. С. 27–60].

Важным является решение проблемы появления гончарных традиций на территории Зауралья. По имеющимся в настоящее время данным, самыми ранними являются стоянка Береговая XIII (Фи-

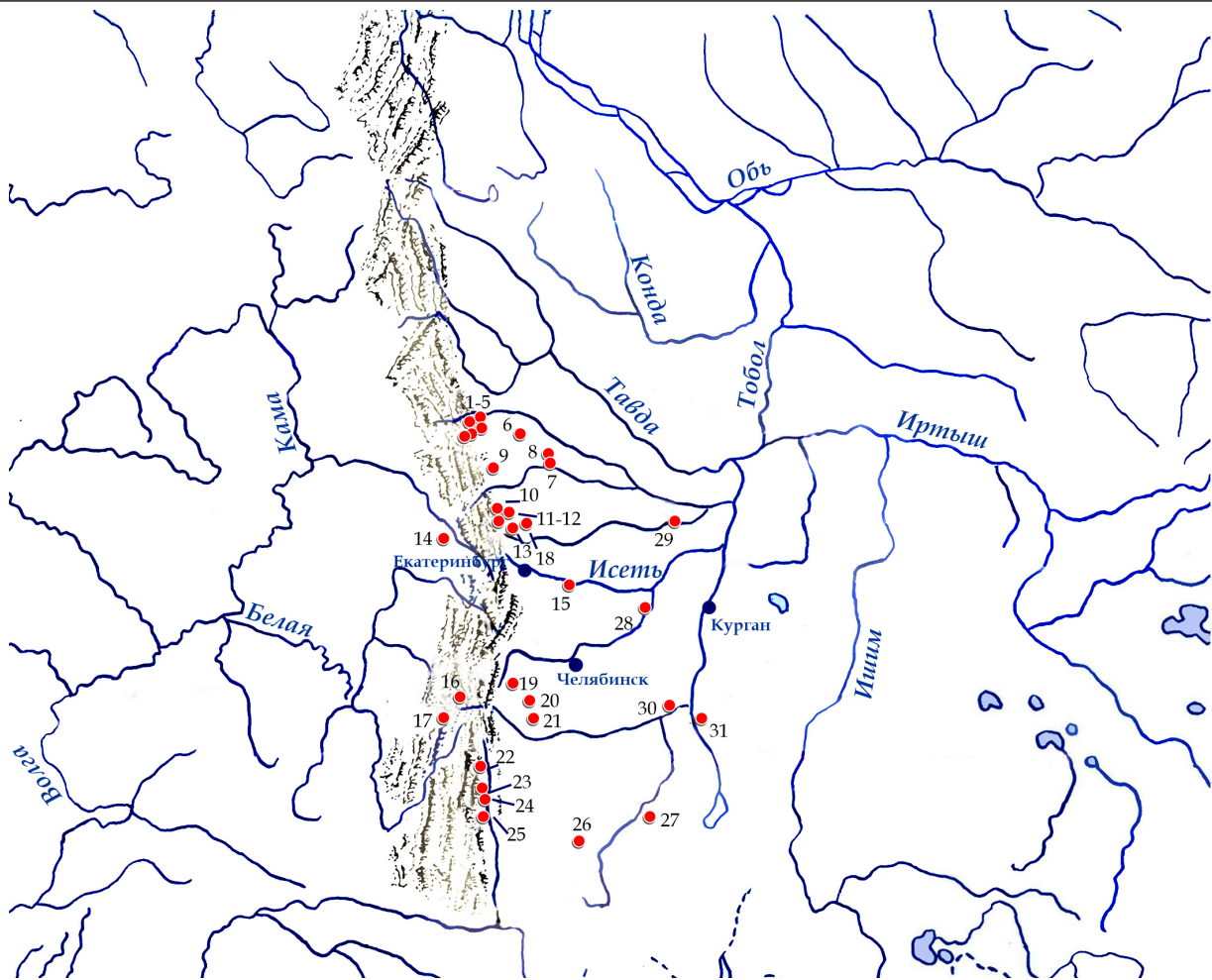

Рис. 1. Основные памятники мезолита Зауралья. 1 – Гаревая II; 2–5 – Уральские зори I, III, V, XI; 6 – Выйка II; 7 – Кокшаровско-Юрьинская I, II; 8 – Юрьино VII; 9 – Баранча II; 10 – Голокаменская мастерская; 11 – Серый Камень; 12 – Береговая II; 13 – Крутяки I; 14 – Камень Дыроватый; 15 – Сухрино I; 16 – Юрюзанская I; 17 – Мыс Безымянный; 18 – Шайтанское озеро I–III; 19 – Чебаркуль XVII; 20 – Краснокаменка; 21 – Родники 2; 22 – Мурат; 23 – Мысовая; 24 – Якты-Куль; 25 – Янгелька; 26 – Андреевка III; 27 – Евгеньевка I; 28 – Ташково IV, IIa; 29 – Звездный; 30 – Черная гора; 31 – Убаган III и др.

Fig. 1. Main Mesolithic monuments of the Trans-Urals. 1 – Garevaya II; 2–5 – Uralskie zori I, III, V, XI; 6 – Vyika II; 7 – Koksharovsko-Yuryinskaya I, II; 8 – Yuryino VII; 9 – Barancha II; 10 – Golokamenskaya masterskaya; 11 – Seryi Kamen; 12 – Beregovaya II; 13 – Krutyaki I; 14 – Kamen Dyrovaty; 15 – Sukhrino I; 16 – Yuryuzanskaya I; 17 – Mys Bezymyanny; 18 – Shaytanskoe Lake I–III; 19 – Chebarkul XVII; 20 – Krasnokamenka; 21 – Rodniki 2; 22 – Murat; 23 – Mysovaya; 24 – Yakty-Kul; 25 – Yangelka; 26 – Andreevka III; 27 – Evgenyevka I; 28 – Tashkovo IV, IIa; 29 – Zvezdny; 30 – Chernaya Gora; 31 – Ubagan III etc.

лин остров) – 6572–6372 cal BC, Кокшаровский холм – 6421–6230 cal BC с керамикой кошкинской и козловской традициями и Ташково I жилище 4, с керамикой козловской традиции – 6377–6250 cal BC [Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 129; Шорин, Шорина, 2020. С. 40. Табл. 4; Тимофеев, Зайцева, 1996. С. 343]. Таким образом, начало неолита в Зауралье связано с жизнедеятельностью населения, отраженной в керамическом производстве как кошкинской и козловской культурные традиции. Социумы этих традиций были тесно связаны между собой сетью экономических, социальных и культурных связей. Эти связи отразились в технической, технологической и культурной однородности каменного инвентаря, близкими, порой неотличимыми, характеристиками в технике и декорировании керамики, сосуществовании остатков материальной культуры обеих культурных традиций в рамках единого культурного слоя.

В позднем неолите социумы с полуденской традицией наследуют козловским, а боборыкинская культурная традиция формируется, по всей видимости, на основе кошкинской, но при участии «ранней» боборыкинской Нижнего Приишимья [Еньшин, Скочина, 2023. С. 5–13]. Южные связи с населением маханджарской традиции Северного Казахстана фиксируются находками маханджарских сосудов на памятниках позднего неолита Зауралья (например, Кочегарово I и др.) [Шевнина, 2024. С. 34–45].

В неолитекратно увеличивается количество известных памятников, территория расширяется до Тоболо-Ишимья (рис. 2). Картографирование памятников мезолита и неолита Зауралья, сохранявших основные традиции, позволяет выявить социокультурное пространство зауральского населения.

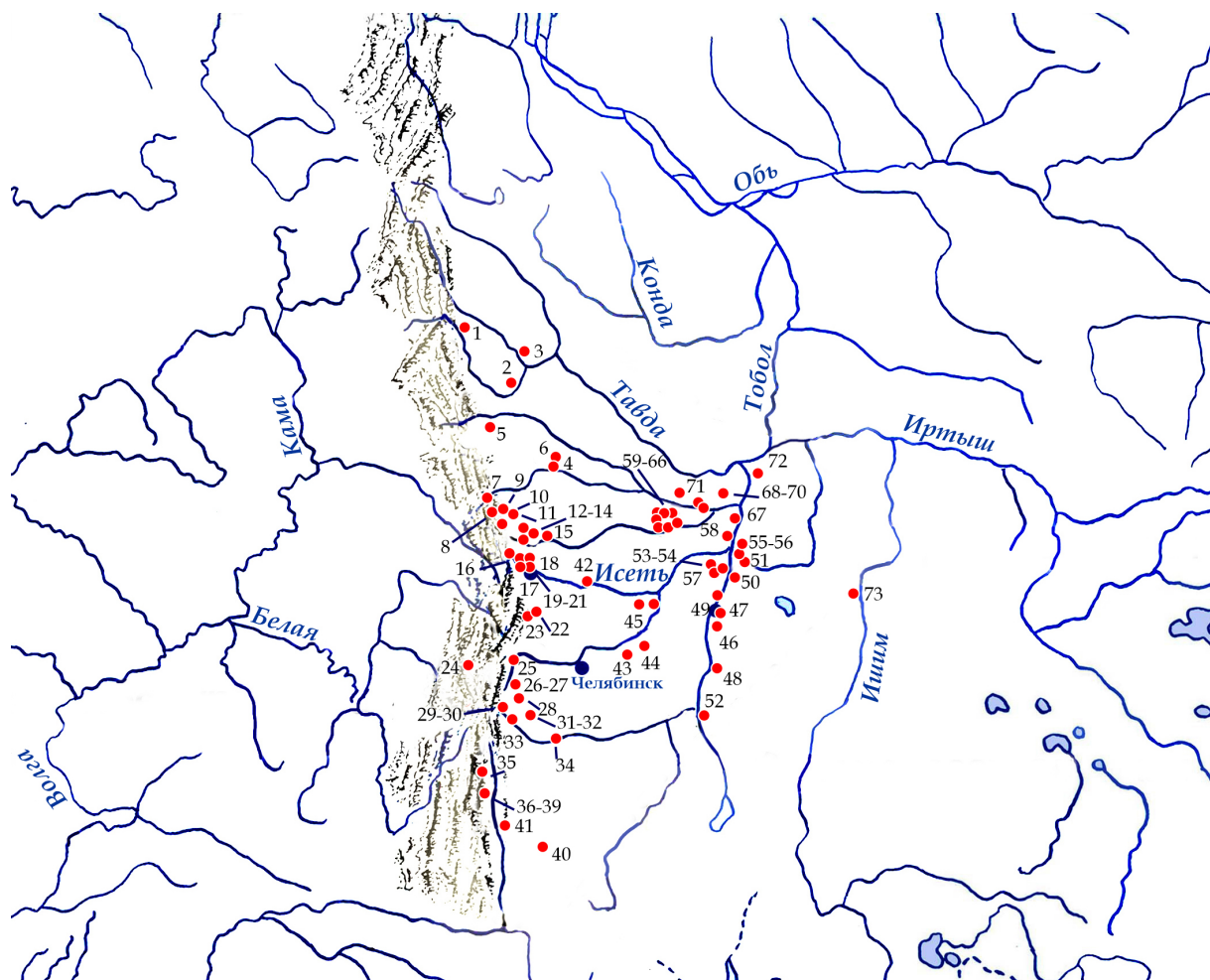

Рис. 2. Основные памятники неолита Зауралья. 1 – Нижнее озеро; 2 – Махтыльский холм; 3 – Усть-Вагильский холм; 4 – Кокшаровский холм; 5 – Уральские зори II; 6 – Юрьинская стоянка и др.; 7 – Евстюниха; 8 – Полуденка I, II; 9 – Стрелка; 10 – Чашиха; 11 – Береговая II торфяниковая; 12 – Анин остров; 13 – Варга II; 14 – Шигирское А; 15 – Шайдурихинское V; 16 – Шувакши; 17 – Исетское Правобережное; 18 – Бараний мыс; 19 – Калмацкий брод; 20 – Макуша III; 21 – Нижняя Макуша; 22 – Иткульские; 23 – Абселямовская; 24 – Долгий Ельник; 25 – Аргазинские стоянки; 26 – Кораблик; 27 – Няшевка IV; 28 – Чебаркуль I, II, Ха, б, XV, XVI; 29 – Карагайлы; 30 – Учалинская; 31 – Краснокаменка; 32 – Красносельская; 33 – Речная I; 34 – Путиловская заимка; 35 – Мурат; 36 – Ташбулатово I; 37 – Карабалыкты I, V, VIIIa; 38 – Мысовая; 39 – Сабакты VI; 40 – Усть-Утяганская; 41 – Черников брод I; 42 – Боборыкино II, IV; 43 – Кочегарово I; 44 – Долговское III; 45 – Ташково I, III; 46 – Пикушка; 47 – Кошкино V; 48 – Лисья гора; 49 – Охотино; 50 – Усть-Суерь; 51 – Ново-Шадрино; 52 – Убаган I, II; 53 – Остров 2; 54 – Двухозерное I; 55 – Гилево VIII; 56 – Ук 6; 57 – Сазык 9; 58 – Черемуховый куст; 59 – Андреевская I; 60 – Андреевское озеро (СБАО I); 61 – ЮАО 5, 6, 9, 12, 13a, 15, 16, 18 (VIII-й пункт); 62 – МБАО; 63 – Дуванское V, VI; 64 – Чепкуль 5; 65 – Карьер 2; 66 – Козлов мыс I; 67 – Сосновый остров; 68 – Чечкино 2; 69 – Ипкуль I, 13; 70 – Байрык IД; 71 – Исток 4; 72 – Юртобор 3; 73 – Мерген 3–6

Fig. 2. Main Neolithic monuments of the Trans-Urals. 1 – Nizhnee zero; 2 – Makhtylskiy holm; 3 – Ust-Vagilski holm; 4 – Koksharov Hill; 5 – Uralskie zori II; 6 – Yuryinskaya site etc.; 7 – Evstyunikhа; 8 – Poludenka I, II; 9 – Strelka; 10 – Chashikhа; 11 – Beregovaya II Torfyanikovaya; 12 – Anin Island; 13 – Varga II; 14 – Shigirskoe A; 15 – Shaydurikhinskoe V; 16 – Shuvakish; 17 – Isetskoe Pravoberezhnoe; 18 – Baraniy mys; 19 – Kalmatsky brod; 20 – Makushа III; 21 – Nizhnyaya Makushа; 22 – Itkulskie; 23 – Abselyamovskaya; 24 – Dolgiy Elnik; 25 – Argazinskie Sites; 26 – Korablik; 27 – Nyashevka IV; 28 – Chebarkul I, II, Ha, b, XV, XVI; 29 – Karagaily; 30 – Uchalinskaya; 31 – Krasnokamenka; 32 – Krasnoselskaya; 33 – Rechnaya I; 34 – Putilovskaya Zaimka; 35 – Murat; 36 – Tashbulatovo I; 37 – Karabalykty I, V, VIIIa; 38 – Mysovaya; 39 – Sabakty VI; 40 – Ust-Utyaganskaya; 41 – Chernikov brod I; 42 – Boborykino II, IV; 43 – Kochegarovo I; 44 – Dolgovskoe III; 45 – Tashkovo I, III; 46 – Pikushka; 47 – Koshkino V; 48 – Lisyа Gora; 49 – Okhotino; 50 – Ust-Suer; 51 – Novo-Shadrino; 52 – Ubagan I, II; 53 – Ostrov 2; 54 – Dvukhozernoe I; 55 – Gilevo VIII; 56 – Uk 6; 57 – Sazyk 9; 58 – Cheremukhovyi Kust; 59 – Andreevskaya I; 60 – Andreevskoe ozero (SBAO I); 61 – YuAO 5, 6, 9, 12, 13a, 15, 16, 18 (Vosmoy Punkt); 62 – MBAO; 63 – Duvanskoe V, VI; 64 – Chepkul 5; 65 – Karyer 2; 66 – Kozlov mys I; 67 – Sosnovy ostrov; 68 – Chechkino 2; 69 – Ipkul I, 13; 70 – Bajryk IД; 71 – Istok 4; 72 – Yurtobor 3; 73 – Mergen 3–6

Заключение

Социокультурное пространство неолита Зауралья – это историческое пространство, рассматриваемое с точки зрения существовавших культурных традиций определенных социумов в пространственно-временных рамках VII–V тыс. до н.э. Социокультурное пространство включает в себя осуществлявшие жизнедеятельность на данной территории и связанные между собой со-

циумы, которые занимали территорию от основных хребтов Урала до междуречья Тобола и Ишима и от верховьев р. Тавда до широтного течения р. Урал. Это пространство охватывает несколько ландшафтных зон: горно-лесную восточного склона, южную часть равнинной лесной и лесостепную, которые являлись жизненным пространством для зауральского населения и составляли основу хозяйственного цикла. Условные границы

существования социумов с зауральскими традициями оттеняются культурным фоном населения с отличными «незауральскими» традициями, характеризующими «другую» идентичность, зафиксированную на сопредельных территориях [Мосин, 2016. С. 19–27]. Обозначенное социокультурное пространство практически совпадает с географической территорией Зауралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., 2023. Нижнее Приишимье в социокультурном пространстве зауральского неолита (по данным Мергенского АМР), *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 3 (62), с. 5–13. DOI: <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-1>
- Жилин М.Г., Савченко С.Н., Косинская Л.Л., Сериков Ю.Б., Александровский А.Л., Лаптева Е.Г., Корона О.М., Косинцев П.А., 2020. *Мезолитические памятники Горбуновского торфяника*. М.; СПб.: Нестор-История, 368 с.
- Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М., 1981. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья, *Советская археология*, № 3, с. 107–129.
- Зайберт В.Ф., Плешаков А.А., Тюлебаев А.Ж., 2012. *Атбасарская культура*. Астана: ИА им. А.Х. Маргулана, 352 с.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В., 2008. *Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье*. Новосибирск: Наука, 212 с.
- Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А., 2000. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири, *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 1, с. 3–22.
- Каменный век*, 2021. Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: АН РТ, 444 с. (Археология Волго-Уралья. Т. 1)
- Крижевская Л.Я., 1991. Мезолитическое поселение Ташково IV и некоторые общие вопросы мезолита Урала, *Вопросы археологии Урала*, вып. 20, отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, с. 30–45.
- Матюшин Г.Н., 1976. *Мезолит Южного Урала*. М.: Наука, 368 с.
- Мосин В.С., 2010. Экосоциальная адаптация населения центра Северной Евразии в конце плейстоцена – начале голоцена (опыт археологического моделирования), *Уральский исторический вестник*, вып. 2 (27), с. 4–12.
- Мосин В.С., 2016. Социокультурное пространство в позднем каменном веке, *Вестник Пермского университета. История*, вып. 1 (32), с. 19–27.
- Мосин В.С., Никольский В.Ю., 2008. *Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала*. Екатеринбург: УрО РАН, 196 с.
- Мосин В.С., 2012. Мезолитические стоянки лесостепного Зауралья, *Вестник Пермского университета. История*, вып. 1 (18), с. 50–66.
- Нехорошев П.Е., Гиря Е.Ю., 2004. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Южный Урал), *Уфимский археологический вестник*, вып. 5, с. 12–35.
- Павлов П.Ю., 2008. Палеолит северо-востока Европы: новые данные, *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 1 (33), с. 33–45.
- Павлов П.Ю., 2012. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита, *Вестник Пермского университета. История*, вып. 1 (18), с. 6–23.
- Панова Н.К., Быкова Г.В., 1992. Палинологическая характеристика отложений Игнatieвской пещеры, *Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале*, Новосибирск: Наука, с. 192–196.
- Петрин В.Т., Смирнов Н.Г., 1975. Палеолитический памятник в Шикаевке на правом берегу Тобола, *Вопросы археологии Урала*, вып. 13, отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, с. 75–85.
- Петрин В.Т., 1992. *Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале*. Новосибирск, Наука, 208 с.
- Сериков Ю.Б., 1988. Материальная культура мезолитического населения Среднего Зауралья, *Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири*, отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, с. 14–18. (ВАУ. Вып. 19)
- Сериков Ю.Б., 1989. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке, *Становление и развитие производящего хозяйства на Урале*, отв. ред. В.Д. Викторова, Н.Г. Смирнов. Свердловск: УрО АН СССР, с. 32–45.
- Сериков Ю.Б., 2007. *Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые вопросы уральского палеолитоведения*. Нижний Тагил: НГСПА, 137 с.
- Сериков Ю.Б., 2008. Новые находки геометрических микролитов в Среднем Зауралье, *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*, вып. 5, отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, с. 97–100.
- Сериков Ю.Б., 2019. Мезолитические трапеции с боковыми выемками на территории Среднего Зауралья, *Поволжская археология*, № 3 (29), с. 8–20. DOI: <http://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.8.20>
- Сорокин П., 1992. *Человек, цивилизация, общество*. М., Политиздат, 543 с.
- Стоянов В.Е., Крижевская Л.Я., Старков В.Ф., 1977. Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети, *Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири*, отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, с. 72–84. (ВАУ. Вып. 14)

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1996. Список радиоуглеродных датировок неолита, *Неолит Северной Евразии*, отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, с. 330–348. (Археология с древнейших времен до средневековья)

Усачева И.В., 1999. Мезолитический памятник на Андреевском озере, *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*, вып. 3, ред. С.Е. Чаиркин. Екатеринбург: Банк культурной информации, с. 22–29.

Хотинский К.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г., 1982. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене, *Археологические исследования севера Евразии*, отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, с. 145–153. (ВАУ. Вып. 16)

Чаиркина Н.М., Кузьмин Я.В., 2018. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья, *Уральский исторический вестник*, № 2 (59), с. 124–134. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2\(59\)-124-134](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2(59)-124-134)

Шевнина И.В., 2024. Маханджарская культура в контексте транскультурных взаимодействий, *Уральский исторический вестник*, № 3 (84), с. 34–45. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3\(84\)-34-45](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3(84)-34-45)

Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2020. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии, *Stratum plus*, № 2, с. 31–55.

REFERENCES

Enshin, D.N., Skochina, S.N., 2023, “The Lower Ishim Basin in the Sociocultural Space of the Trans-Ural Neolithic (based on data from the Mergen archaeological microregion)”, *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, no. 3 (62), pp. 5–13. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-1>

Zhilin, M.G., Savchenko, S.N., Kosinskaya, L.L., Serikov, Yu.B., Alexandrovsky, A.L., Lapteva, E.G., Korona, O.M., Kosintsev, P.A., 2020, *Mesolithic Sites in Gorbunovsky Peat Bog*. Nestor-Istoriya, Moscow, St. Petersburg, 368 p. (In Russ.)

Seibert, V.F., Potemkina, T.M., 1981, “On the question of the Mesolithic of the forest-steppe part of the Tobolsk-Irtysh Interfluve”, *Sovetskaya arheologiya*, no. 3, pp. 107–129. (In Russ.)

Zaibert, V.F., Pleshakov, A.A., Tyulebaev, A.Zh., 2012, *Atbasarian culture*. IA A.H. Margulan, Astana, 352 p. (In Russ.)

Zakh, V.A., Zimina, O.Yu., Ryabogina, N.E., Skochina, S.N., Usacheva, I.V., 2008, *Holocene landscapes and cultural interaction in the Tobolsk-Ishim interfluve*. Nauka, Novosibirsk, 212 p. (In Russ.)

Zykin, V.S., Zykina, V.S., Orlova, L.A., 2000, “Stratigraphy and basic patterns of changes in the natural environment and climate in the Pleistocene and Holocene of Western Siberia”, *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, no. 1, pp. 3–22. (In Russ.)

The Stone Age, 2021, ed. M.Sh. Galimova, AN RT, Kazan, 444 p. (Archeology of Volga-Urals. Vol. 1) (In Russ.)

Krizhevskaya L.Ya., 1991, “The Mesolithic settlement of Tashkovo IV and some general issues of the Mesolithic of the Urals”, *Ural Archaeology Issues*, vol. 20, ed. V.T. Kovaleva, UrGU, Ekaterinburg, pp. 30–45. (In Russ.)

Matyushin, G.N., 1976, *The Mesolithic of the Southern Urals*. Nauka, Moscow, 368 p. (In Russ.)

Mosin, V.S., 2010, “The ecosocial adaptation of the population of the center of Northern Eurasia in the Late Pleistocene – Early Holocene (experience of archaeological modeling)”, *Ural Historical Journal*, vol. 2 (27), pp. 4–12. (In Russ.)

Mosin, V.S., 2016, “Sociocultural Space in the Late Stone Age”, *Perm University Herald. History*, vol. 1 (32), pp. 19–27. (In Russ.)

Mosin, V.S., Nikolsky, V.Yu., 2008, *Flint and jasper in the material culture of the Stone Age population of the Southern Urals*. UrO RAN, Ekaterinburg, 196 p. (In Russ.)

Mosin, V.S., 2012, “Mesolithic sites of the forest-steppe Trans-Urals”, *Perm University Herald. History*, vol. 1 (18), pp. 50–66. (In Russ.)

Nekhoroshev, P.E., Giryа, E.Yu., 2004, “Some research results of the Upper Paleolithic site in the Kulyurt-Tamak cave (Southern Urals)”, *Ufa Archaeological Herald*, vol. 5, pp. 12–35. (In Russ.)

Pavlov, P.Y., 2008, “The Paleolithic of Northeastern Europe: New Data”, *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, no. 1 (33), pp. 33–45. (In Russ.)

Pavlov, P.Y., 2012, “Cultural interactions of the inhabitants of the Urals during the Paleolithic age”, *Perm University Herald. History*, vol. 1 (18), pp. 6–23. (In Russ.)

Panova, N.K., Bykova, G.V., 1992, “Palynological characteristics of Ignatievskaya Cave deposits”, *Petrin, V.T. Paleolithic sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals*, Nauka, Novosibirsk, pp. 192–196. (In Russ.)

Petrin, V.T., Smirnov, N.G., 1975, “Paleolithic site in Shikaevka on the right bank of the Tobol”, *Ural Archaeology Issues*, iss. 13, ed. V.F. Gening, UrGU, Sverdlovsk, pp. 75–85. (In Russ.)

Petrin, V.T., 1992, *Paleolithic sanctuary in Ignatievskaya cave in the Southern Urals*. Nauka, Novosibirsk, 208 p. (In Russ.)

Serikov, Yu.B., 1988, “The material culture of the Mesolithic population of the Middle Urals”, *The material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia*, ed. V.T. Kovaleva, UrGU, Sverdlovsk, pp. 14–18. (In Russ.)

- Serikov, Yu.B., 1989, “Productive forms of labor of the population of the Middle Urals in the Stone Age”, *The formation and development of a productive economy in the Urals*, eds. V.D. Viktorova, N.G. Smirnov. UrO AN USSR, Sverdlovsk, pp. 32–45. (In Russ.)
- Serikov, Yu.B., 2007, *Garinskaya Paleolithic site and some issues of Ural paleolithic studies*. NGSPA, Nizhny Tagil, 137 p. (In Russ.)
- Serikov, Yu.B., 2008, “New finds of geometric microliths in the Middle Urals”, *Proceedings of the Kama Archaeological and ethnographic expedition*, iss. 5, ed. A.M. Belavin. PGPU, Perm, pp. 97–100. (In Russ.)
- Serikov, Yu.B., 2019, “Geometrical Trapezes with Side Notches on the Territory of the Middle Trans-Urals”, *The Volga River Region Archaeology*, no. 3 (29), pp. 8–20. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.8.20>
- Sorokin, P., 1992, *Society, culture, and personality*. Politizdat, Moscow, 543 p. (In Russ.)
- Stoyanov, V.E., Krizhevskaya, L.Ya., Starkov, V.F., 1977, “The Mesolithic site of Sukhrino I on Iseti”, *Archaeological research in the Urals and Western Siberia*, ed. V.E. Stoyanov, UrGU, Sverdlovsk, pp. 72–84. (In Russ.)
- Timofeev, V.I., Zaitseva, G.I., 1996, List of radiocarbon dates of the Neolithic, *Neolithic of Northern Eurasia*, ed. S.V. Oshibkina. Nauka, Moscow, pp. 330–348. (Archeology from ancient times to the Middle Ages) (In Russ.)
- Usacheva, I.V., 1999, “The Mesolithic site on Andreevsky Lake”, *Conservation archaeological research in the Middle Urals*, vol. 3, ed. S.E. Chirkin, Bank kul’turnoj informacii, Ekaterinburg, pp. 22–29. (In Russ.)
- Khotinsky, K.A., Nemkova, V.K., Surova, T.G., 1982, “The main stages of the development of vegetation and climate of the Urals in the Holocene”, *Archaeological research of the North of Eurasia*, ed. V.E. Stoyanov. UrGU, Sverdlovsk, pp. 145–153. (In Russ.)
- Chirkina, N.M., Kuzmin, Ya.V., 2018, “New radiocarbon dates of the Mesolithic – Early Iron Age of the Trans-Urals”, *Ural Historical Journal*, no. 2 (59), pp. 124–134. (In Russ.) DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2\(59\)-124-134](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2(59)-124-134)
- Shevnina, I.V., 2024, “Mahanjarian Culture in the Context of Transcultural Interactions”, *Ural Historical Journal*, no. 3 (84), pp. 34–45. (In Russ.) DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3\(84\)-34-45](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3(84)-34-45)
- Shorin, A.F., Shorina, A.A., 2020, “Neolithic Trans-Ural Migrations in the Light of Radiocarbon Chronology”, *Stratum plus*, no. 2, pp. 31–55. (In Russ.)

Сведения об авторе

Вадим Сергеевич Мосин, доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: mvs54@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5936-3266

Information About the Author

Vadim S. Mosin, D.Sc. (History), Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Ekaterinburg. E-mail: mvs54@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5936-3266